

ВСЕВОЛОД МИЛЛЕР И ОСЕТИНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

**Т. А. ГУРИЕВ,
доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом
осетинского языкознания СОИГСИ им. В. И. Абаева**

1.1. В истории отечественной науки о языке 70-е гг. XIX столетия ознаменованы событиями исключительной важности. Именно в те годы в науку пришли молодые талантливые ученые-полиглоты, получившие блестящую теоретическую подготовку в рамках европейской компаративистики. Именно в эти годы появились научные школы А.А. Потебни (Харьков), Ф.Ф. Фортунатова (Москва), И.А. Бодуэна де Куртенэ (Казань), надолго определившие пути развития и методы отечественного языкознания. За сравнительно короткое время оно стало на крепкие ноги, а труды наших соотечественников привлекли внимание ученых других стран.

Одним из самых выдающихся деятелей отечественной лингвистики был Всеволод Федорович Миллер (1848-1913), внесший огромный вклад в развитие гуманитарных наук. Инте-

ресно, что первоначально он был признан как один из ведущих теоретиков т.н. исторической школы в фольклористике. Позже он стал известен как основатель нового научного направления — осетиноведения.

Творческая биография Всеволода Федоровича тесно связана с деятельностью многих ведущих ученых России, особенно с представителями Московской лингвистической школы.

1.2. Интерес В.Ф. Миллера к осетинам, к их истории, фольклору и языку не является случайным. Его исследования в области индоевропеистики, в частности и особенности — индоиранских штудий, должны были пробудить и действительно пробудили у него интерес к осетинам, единственным и прямым наследникам скифо-сарматских племен, сохранивших свой архаичный язык вплоть до наших дней. Он изучил осетинский язык по «Осетинской грам-

матике» Андреаса Шегрена и текстам, которые были изданы А. Шифнером (см.: Миллер 2007, 52).

В.Ф. Миллер был зрелым, разносторонне подготовленным ученым, когда приступил к изучению истории осетинского языка.

В предисловии к первому выпуску своих ныне знаменитых «Осетинских этюдов» автор писал: «Осетины представляют значительный интерес для лингвиста и этнографа: первый найдет в их языке несомненные черты иранской группы индоевропейской семьи языков; второй заинтересуется ими как народом нашего, индоевропейского, рода-племени, сохранившим до наших дней свою особость и древнейший склад жизни среди горных тущоб Кавказа и среди других народов» [1]. Сам Всеволод Федорович решил изучить на месте диалекты осетинского языка, записать тексты произведений народной словесности, «прежде всего так называемые нартские (богатырские) сказания» [2].

Свою обширную исследовательскую программу молодой тогда ученый выполнил с завидным тщанием. Результатом его титанической работы стал трехтомный труд «Осетинские этюды» (1881, 1882, 1887). В первой части работы ученый представил произведения осетинского устного творчества с комментариями. Вторая часть почти полностью была посвящена осетинскому языку; в третьей части ОЭ он излагает вопросы истории и этнографии осетин.

В.Ф. Миллер — осетиновед широкого профиля, но в данном кратком сообщении мы намерены остановиться лишь на некоторых вопросах, связанных с лингвистическими интересами ученого.

2.1. Много внимания уделил В.Ф. Миллер вопросам диалектов осетинского языка. Первоначально он полагал, что существует три диалекта — иронский, дигорский и туалский (южный). Однако позже уточнил свою позицию: он пришел к выводу, что туалский является по д р е ч и е м иронского. Наблюдательный ученый не мог не заметить, что «резкой границы между этими тремя диалектами провести нельзя», что «в аулах, пограничных между областью иронского и дигорского диалекта (например, в Галиате, Камунте, Махческе и друг.), слышится говор п е р е х о д н ы й» [3].

Всеволод Федорович был убежден, что все носители осетинских наречий имели единых предков. «Исторические отношения между обоими наречиями, по всей вероятности, таково, — писал он, — что народ, называвший себя, вероятно, иронами и говоривший одним языком, распался территориально на две ветви, между которыми, вследствие условий местных и исторических, не было тесных сношений». По мнению ученого, «развитие языка шло у дигорцев медленнее», чем и объясняет он большую архаичность данного диалекта [4]. В то же время он отмечал, что в некоторых случаях иронский диалект оказывается ближе к праосетинскому. В числе таких черт он называет сохранение звука «м» там, где он перешёл в «н» в дигорском; ср. также конечный «дз» в иронском вместо «й» в дигорском.

Думаем, что В.Ф. Миллера можно было бы назвать основоположником осетинской диалектологии.

3.1. Всеволод Федорович очень обстоятельно рассмотрел особенности звукового строя диалектов осетин-

ского языка. Для каждого звука он как бы составляет своеобразную историческую справку. Не считая возможным останавливаться на всех рассмотренных им звуках, мы позволим себе остановиться на одном интересном феномене.

В.Ф. Миллер обратил внимание на заставку -œ в дигорском диалекте, чего нет в иронском; ср. *мад* — *мадœ* «мать», *фыд* — *фидœ* «отец»; *талынг* — *талынгœ* «темнота» и т.п. Данная черта в какой-то степени характеризует отношения между двумя диалектами. Автор высказал два возможных объяснения его генезиса: конечная заставка может восходить к древнему иранскому гласному, но она может быть новым явлением по аналогии [5]. Аналогичное явление он отметил в зазском наречии курдского языка.

Ф.Ф. Фортунатов заинтересовался данным явлением и предложил свое решение вопроса. Филипп Федорович обратил внимание на то, что дигорская конечная -œ может быть эволюцией древнеиранского *-ā* или первоначального *á* после одиночных согласных. В таком случае, по его мнению, можно считать, что в иронском конечная -œ отпала. В.Ф. Миллер с интересом отнесся к данной гипотезе [6]. Профессор Б.Х. Балкаров считал, что рассматриваемая черта дигорского является результатом адыгского влияния. «Аналогичное явление, — писал Б.Х. Балкаров, — имеет место в адыгских языках. Подобно иронскому диалекту, в адыгских языках редуцируется конечная краткая «-э», а в кабардинском сохраняется, как в дигорском; ср. *нан* — *нанэ* «мама», «бабушка»; *тат* — *дадэ* «папа», «дедушка» [7].

Заставочные гласные встречаются во многих языках и диалектах мира. Например, в монгольском и калмыцком языках конечной -э нет там, где он считается закономерным в бурятском; монг. *дэр*, калм. *дер* в бурятском отвечает *дэрэ* «подушка».

В.И. Абаев в форме *фидœ* был склонен видеть форму единственного числа старого именительного падежа *pitā*, в то же время как основа множественного числа *фидœл* — восходит к *pitār* [8].

Б.А. Серебренников связывает случаи рассматриваемого ряда как типичные фреквенталии [9].

Рассмотренный нами феномен для истории языка имеет большое значение. Если конечная -а в дигорском — явление недавнее, то гипотеза Б.Х. Балкарова о влиянии кабардинского языка на дигорский оказывается продуктивной. (Разумеется, и не только для данного частного случая!). Если же дигорский сохраняет древнеиранскую черту вокализма, то перед нами еще одно свидетельство его архаичности, и мы могли бы задуматься над природой конечной -а в кабардинском и её отсутствию в адыгейском.

3.2. В.Ф. Миллер выдвигал только такие гипотезы и предположения, которые могли быть подтверждены языковыми фактами. С фактами же он обращался в высшей степени внимательно, непредвзято, объективно. На основе собранных им фактов Всеволод Федорович сформулировал 11 признаков, которые подтверждают его концепцию о скифо-сарматско-осетинской языковой непрерывности. Они суть:

— древнеиранское начальное «р» переходит в «f»;

- начальное звуко сочетание «fri-» переходит в «li-»;
 - древнеиранское начальное «v» исчезло перед «i»;
 - древнеиранское начальное «h» переходит в «a»;
 - древнеиранское «r» перед «i» переходит в «l»;
 - древнеиранское «ary-» переходит в «ir»;
 - сочетание «ti» переходит в «ts» или «dz»;
 - группа -thr- переходит в -rth/-rt-;
 - группа «xr» переходит в -rx-;
 - конечное -akos/-ayas переходит в -æg;
 - суффикс -yin-os переходит в -gin-
- Приведенные признаки, объединяющие скифо-сарматские наречия с современными осетинскими, были рассмотрены Я. Гарматта [10].

Приведенные ценные сведения были получены учеными в ходе анализа имен эпиграфических памятников скифо-сарматских племен, собранных и опубликованных В.В. Латышевым. Всеволод Федорович подверг анализу, как он сам писал, 425 имен. Любопытно, что из 160 танаидских надписей имен примерно 100 признал ученый иранским, скифо-сарматским, наследием [11; 12].

Анализ звукового (и морфологического) состава скифо-сарматских имен позволил автору представить более или менее четкую картину эволюции древнеиранских звуков вплоть до последнего времени.

3.3. Попытки поставить под сомнение основательность изложенной концепции В.Ф. Миллера, однако, не увенчались успехом.

4.1. В предисловии к русскому изданию «Языка осетин» В.И. Абаев пи-

сал, что В.Ф. Миллер «строил историю осетинского языка с оглядкой только на иранский язык, точнее — на древнеиранское состояние», что он «недооценил значение кавказского элемента в формировании осетинского языка». По мнению В.И. Абаева, Всеволод Федорович «не заметил, что кавказский элемент вошел в осетинский язык не как внешнее заимствование, а как органический структурный фактор, как с у б с т р а т. Понятие субстрата вообще чуждо Миллеру. Это делает его изложение истории осетинского языка неполным и односторонним» [13]).

Приведенное замечание В.И. Абаева (как, впрочем, и другие, менее важные, его замечания) представляет для нас специфический интерес.

4.2. В.Ф. Миллер поставил перед собой и решал очень важную задачу: определить место осетинского языка среди языков индоиранского круга и показать преемственную связь осетин со скифо-сарматским миром.

Данную задачу он выполнил блестяще.

Вообще-то нельзя забывать, что указанная задача отвечала духу времени.

Эмиль Бенвенист заметил, что «до первых десятилетий нашего (XX.– Т.Г.) века лингвистика заключалась, по существу, в генетике языков», и что «она ограничивалась изучением эволюции языковых форм и утверждала себя как наука и с т о р и ч е с к а я, находя свой объект всегда и всюду в виде какой-либо фазы истории языков» [14] (Разрядка наша. — Т.Г.).

Приведенные слова Э. Бенвениста вполне применимы к оценке много-

гранной деятельности В.Ф. Миллера. И здесь он не одинок. Например, важнейшие исследования в индоевропистике того времени (не только в трудах младограмматиков) пронизывала идея историзма. Она нашла блестящее выражение в работе крупнейшего теоретика младограмматической школы Германа Пауля [15].

Что же касается роли т.н. местного кавказского субстрата как второго равнозначного компонента осетинского языка, то здесь мнения сильно расходятся. И если Всеволод Федорович не заинтересовался проблемой кавказского субстрата в осетинском языке, то его вряд ли за это следует строго судить. Лексическим элементам, в том числе кавказского происхождения, в «Языке осетин» он отвел целый раздел в пять страниц. Однако ни разу не пользуется термином субстрат, который в конце XIX — начале XX века был в моде.

5.1. Во всех работах Всеволода Федоровича мы отмечаем одну особенность: они вполне соответствуют уровню языкознания своего времени. Вот почему он как бы одним мощным рывком представил мировой науке осетинский язык в его истории и связях с другими языками. Например, составляя таблицу согласных осетинского языка, он взял за образец схему, предложенную известным польско-русским ученым И.А. Бодуэном де Куртенэ в 1881 году.

Высокий уровень исследований В.Ф. Миллера обеспечил осетиноведению дальнейшее динамичное развитие.

6.1. В течение многих лет В.Ф. Миллер собирал материал для своего «Осе-

тинско-русско-немецкого словаря». В те годы появилась серия многоязычных словарей. Едва ли не самым популярным из них был Филиппа Рейфа «Русско-французско-немецко-английский словарь». Сравнив третье издание этого словаря с ОРНС В.Ф. Миллера, мы убеждаемся в том, что ОРНС отличается неоспоримыми достоинствами.

В.Ф. Миллеру не посчастливилось завершить и напечатать свой словарь. Это объясняется тем, что он был чрезвычайно перегружен административной и общественной работой. ОРНС был издан позже с дополнениями и под редакцией А.А.Фреймана в трех томах (1927, 1929, 1934).

Известно, что «Осетинско-русско-немецкий словарь» В.Ф. Миллера (А.А. Фреймана) должен был выйти из печати в четырех томах. К сожалению, четвертый том ОРНС так и не увидел света.

Тем не менее, мы с удовлетворением отмечаем, что ОРНС и сегодня является настольной книгой осетиноведов.

7.1. Скифо-сарматско-аланско-осетинское наследие В.Ф. Миллер рассматривал с точки зрения историка языка и культуры. Но время идет и вносит свои коррективы в науку. Теперь уже ясно, что указанное наследие гораздо богаче и разностороннее, чем это представлялось Всеволоду Федоровичу. Более того, исследования последних десятилетий показывают, что оно — неотъемлемая часть культур многих народов Евразии. Соответственно, термин *осетиноведение* не может охватить всю указанную обширную область знаний. Для нее можно было бы ввести другой термин, скажем, скифо-алановедение или, условно, алановедение.

8.1. Отдельного рассмотрения заслуживает роль Всеволода Федоровича в подготовке национальных кадров просветителей и т.п. Мы здесь ограничиваемся несколькими замечаниями.

В.В. Богданов — биограф Всеволода Федоровича — оставил ценные сведения о том, как заботился ученый о молодежи Кавказа. Он, в частности, писал, что «Вс.Ф. на своих молодых осетин насмотрелся, как изнуряла их малярия в их сырых ущельях» [16]. Он всячески помогал им в борьбе с болезнями, оказывал им финансовую помощь и т.д. Тот же В.В. Богданов вспоминает, что «иногда в соседнем флигеле его дачи, вместе с его сыновьями, жил кто-либо из осетин или какой-нибудь кабардинец» [17].

Его отеческая забота о молодых кавказцах была общеизвестна. В этом смысле он служил примером для подражания. В.В. Богданов был свидетелем одной беседы В.Ф. Миллера с этнографом С.К. Кузнецовым. Всеволод Федорович выказывал недовольство работой ученых Сибири с молодежью.

«Когда Всеволод Фёдорович уехал от Кузнецова, — пишет В.В. Богданов, — он (Кузнецов. — Т.Г.) мне сказал: — Дивный человек этот ваш Всеволод Федорович! Думает, что всякий может поднять на ноги молодых вогул

и остяков, как он поднял осетинскую молодежь! Сибирские Сапожниковы* на это не способны» (Богданов 1978, 47).

9.1. В рамках данного сообщения нет никакой возможности уделить внимание всем осетиноведческим интересам В.Ф. Миллера. Хотелось бы особо подчеркнуть, что яркой чертой его творческого почерка является комплексное изучение проблем осетиноведения. Следствием этого явилось, как мы уже писали, создание нового направления в науке — осетиноведения.

Мы ничуть не преуменьшаем значение творчества А.М. Шёгрена, создавшего описательную грамматику осетинского языка (Шёгрэн 1844) и познакомившего многих ученых с до того неизвестным языком.

Однако именно Всеволод Федорович был тем ученым-гигантом, который явился основоположником осетинского исторического, в определенной степени, теоретического языкознания. Благодаря В.Ф. Миллеру наука о языке осетин как бы проскочила промежуточные ступени развития и предстала перед миром уже в зрелом состоянии. Его наследие ныне входит в золотой фонд индоевропейского сравнительного языкознания и продолжает служить развитию осетиноведческой мысли.

*Имеется в виду В.В.Сапожников (1861-1924) — известный ботаник и географ.

1. Миллер В.Ф. Осетинские этюды, 1-3. М., 1881, 1882, 1887.
2. Миллер В.Ф. В горах Осетии. Владикавказ, 2007. С. 52.
3. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. 2. М., 1882. С.31.
4. Там же. С. 44-45.
5. Там же. С. 34.
6. Миллер В.Ф. Язык осетин. М., 1962. С. 35.
7. Балкаров Б.Х. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1991. С. 69.
8. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, 1. М.-Л., 1958. С. 488.
9. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974. С. 66-70.
10. Harmatta J. Studies in the Language of the Iranian Tribes in South Russia// Acta Orient. Hung., tomus 1, fasc. 2-3. (Separatum). P. 261-262.
11. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. 3. М., 1887. С.79.
12. Zgusta L. Die Personennamen griechischen Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.
13. Абаев В.И. От редактора // Миллер В.Ф. Язык осетин. М., 1962. С.7.
14. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
15. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
16. Богданов В.В. Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки// Очерки русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1978.
17. Там же. С.54.
18. Там же. С.47.